

Деревня Арга в Ельниковском районе умерла раньше своей последней жительницы Пелагеи Степанковой. Пелагея жила в уже умершей деревне, в глухом лесу, вблизи города Сарова. Будто после ядерного взрыва в Арге жила здесь Пелагея. Ходила в кирзовых сапогах, сильно сгорбленная, обмотанная старой выцветшей шалью, одетая в старую изношенную фуфайку. Из умершего мира Пелагея выбиралась за хлебом, сахаром, спичками и керосином, а также за новостями о мире в соседнюю Новоямскую Слободу на белой лошади, впряженной в гремющую телегу. И детям, играющим возле сельской дороги, казалась Бабой Ягой. Вспоминая все о Боге, она называла его «хулиганом» за то, что сотворил с Аргой – опустошил ее. За метели, которые заваливали ее избушку снегом до крыши. За ливни, после которых надолго в Арге и ее окрестностях оставалась непролазная грязь. За ураганы, которые срывали ветхую крышу – и ее приходилось чинить Пелагее. За молнии, которые, как ей казалось, сожгут весь мир. Пелагея жила в пустыне, заросшей деревьями. Старый корявый дуб возле ее избушки был похож, наверное, на пророка Моисея, добравшегося до земли обетованной. В давние годы деревня Арга, находившаяся в глубине Мордовии, называлась Еврейским Выселком, а еще – поселком Солдатским. Здесь когда-то поселились евреи, получившие от царской власти клочок казенной земли после службы в российской армии, умерли здесь, стали здешней землей, цветами, травами, деревьями. И старый морщинистый дуб, вокруг которого весной сияло огромное сплоченное племя одуванчиков, уходил в вечность, уже никуда больше не уходя. Много в Арге одуванчиков. И в мире сегодня – время «одуванчиков»: время яркого, но сиюминутного, недолговечного, нестабильного. А в одуванчиках тихо и вольно ползала змея, которую здесь некому и незачем было превращать в посох, как возле горы Синай. С посохом – с длинной палкой в руке ходила Пелагея, этой палкой она не раз и змею отгоняла от дома, и громко стучала по доньшку пустого ведра, когда к дому приближались волки. Здесь было много волков. Пелагея, еще в молодости переехавшая сюда из соседнего села и работавшая трактористкой на скудных аргинских полях, тоже обрела в этой пустыне свой «Израиль». Через несколько лет после ее смерти это место заросло травой и деревьями. И невозможно отыскать здесь даже следов былых строений. Как будто никогда и не было Арги на белом свете.

А природа, наверное, так и не узнала о Пелагее, которая до самой смерти жила в

противоборстве с ней. И дерево не знало о том, что оно похоже на пророка Моисея. Так показалось мне, и только мне, когда я приехал много лет назад в Аргу писать в газету репортаж о лесной женщине и узнал о том, что Арга была «Еврейским Выселком».

Арга была близко вписана в природу; значит, беспощаден был к Арге закон стихии, в которой непременно цветение и увядание. Арга стала для природы ее любимым цветком, возможно, подобным цветку чертополоха.

Чтобы не было деградации, трагического одиночества в пространстве, нужна дистанция, безопасное расстояние между природой и человеком. Молния, метель, ураган, ливень не пожалеют человека, и кабан, даже истекающий кровью, вряд ли будет человеку благодарен за наивную сердечность.

Только посредничество Бога между дикой природой и человеком не позволяет возникнуть такому явлению, как Арга, на земле. Истинная сущность природы – быть первозданно дикой, и сколько не прикармливай волка – он все равно «в лес смотрит». Природа ценит верность человека ей – только тогда, когда этот человек в гармонии с народом, а не в откровенном отшельничестве от него. Иначе – судьба «Бабы Яги».

Пророк Моисей не оторвался от еврейского народа, в родном народе воплотил свою избранность Богом. И дерево, похожее на Моисея, не отрывается от леса...

Пелагея не знала, на кого было похоже дерево, тем более – оно могло быть похоже и на старого пчеловода, жившего в Арге, и на кузнеца, и на пастуха. Но она часто разговаривала с деревом, жаловалась – более всего на погоду, на волков. Шелестело листвою корявое дерево, отвечая то ли ветру, то ли Пелагее.

В ветхой избе Пелагеи висел транзисторный радиоприемник. Но – молчал. Потому, что не было батареек. Да и важно ли было здесь то, что происходило там? Ведь там никому не было дела до того, что происходило в Арге. А еще будто потому молчал радиоприемник, что мир, понятный и близкий Пелагее, исчез там, откуда могли бы донестись до Арги хоть какие-то желанные вести.

Радиоприемник висел возле поблекшей иконки, на которую – как умела – молилась Пелагея в те часы, когда буйствовала стихия, а в представлении Пелагеи – когда Бог особенно «хулиганил». А «хулиганство» Бога в отношении Пелагеи – это предоставленная ей возможность жить на земле своей и только своей жизнью. И такая одинокая и опасная жизнь Пелагеи – плата за возможность оставаться на земле только собой. За возможность по заросшей тропинке, спотыкаясь, бежать за подстреленным кем-то кабаном, чтобы тряпкой завязать его кровоточащую рану. За возможность спастись от волков даже тогда, когда они подходили к крыльцу...

В пустыне Арга, заросшей деревьями, жила Пелагея. Где был весь ее мир? Не провалился ли в глубокий аргинский овраг? Не подходит Пелагея к оврагу, обходит его, даже ягоды здесь не собирает. В этом глубоком овраге много омутов, где водится щука. И рыба в диких местах в волчьем краю – хищная...

Деревня Арга, затерявшаяся в лесу, ягодникам и грибникам округи всегда казалась особым миром. Когда ягодники собирали землянику возле края огромного оврага, где-то вблизи, в невидимой лесной Арге, голосисто пели петухи. Петухи пели даже днем, как ранним утром. Свое, только свое время было в мире по имени Арга – за огромным оврагом, края которого зарастали земляникой.

В своем времени, видимо, имевшем особую «скорость», жила Арга. Когда вся округа передвигалась на лошадях и даже на автомашинах, жители Арги ездили на быках. И петухи в Арге целыми днями звонко пели об этом времени, будто на всей земле под

огромным небом есть одна только деревня Арга...

Кстати, каждую зиму Пелагея приходила в татарское село Акчеево на шерстобойку. Ночевать оставалась у одной акчеевской старушки, которую с любовью называли «абикай» (бабушка). Всю ночь напролет не могли они наговориться. Абикай не скрывала своих переживаний: как ее подружка одна живет в лесу, среди волков и кабанов, говорила, что не перестает о них молиться Аллаху. А еще неустанно просила жительницу Арги, чтобы она и сама постоянно молилась Богу...

Камиль Тангалычев